

M.Y. LERMONTOV'S CULTUROSOPHY: NORTH AND EAST IN THE POET'S ALLEGORICAL POEMS

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: July, 2023; date of acceptance: August, 2023)

Abstract

The article analyzes Lermontov's allegorical poems in connection with culturosophical problems. These are North, West and East (South) as the main forces of history. Usually interpreted as reflections of a romantic complex, they are read on the paths of historical and religious synthesis. The theme of the West was closed by the poet ("The Dying Gladiator"). The North–East axis became dominant as a desire to learn the spiritual foundations of the East and as an appeal to the "dear North" with its Christian values. The dramatic complexity of their interaction is analyzed in the allegorical plots of two meetings – of an oak Leaf with the South ("Leaf") and of a palm branch with the North ("Palestine Branch") – harmony of the traditional world and personal consciousness. As a result, the poems show the poet's creative possibilities in combining philosophy, religion and art.

Keywords: M.Y. Lermontov's Poetry, Allegory, Symbolic Images, Culturosophy, West, East.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Corresponding author

КУЛЬТУРОСОФИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: СЕВЕР И ВОСТОК В АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТА

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: июль 2023 г.; дата принятия: август 2023 г.)

Аннотация

В статье анализируются аллегорические стихотворения Лермонтова в связи с культурософской проблематикой. Это Север, Запад и Восток (Юг) как основные силы и смыслы истории. Обычно интерпретируемые как отражения романтического комплекса, они прочитываются как вехи на путях историко-религиозного синтеза. Тема Запада была поэтом закрыта («Умиравший гладиатор»). Ось Север – Восток стала главенствующей как стремление к познанию духовных основ Востока и как обращение к «милому Северу» с его христианскими ценностями. Анализируется драматическая сложность их взаимодействия в аллегорических сюжетах двух встреч – дубового Листка с Югом («Листок») и пальмовой Ветки с Севером («Ветка Палестины») – мудрости и гармонии традиционного мира и отъединенного личностного сознания, утратившего общие основания. В итоге, культурософские стихи Лермонтова показывают огромные творческие возможности поэта на пути создания синтетической концепции, соединяющей философию, религию и искусство. Ранняя смерть поэта, по словам Гроссмана, отняла у мировой мысли мудрость поэта, которая явственно проступает в ранних стихах.

Ключевые слова: Поэзия М.Ю. Лермонтова, Иносказание, Символические Образы, Культурософия, Запад, Восток.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Ответственный автор

Введение

М.Ю. Лермонтов в своем творчестве не раз в прямом исповедании говорил о своей любви к России – к «милому Северу» и о глубоком пристрастии к «златому Востоку», в иносказательные же стихотворения последних лет жизни (их около десятка) поэт вкладывал свои историософские размышления. Предметом мыслительных и творческих постижений в этих стихах стали основные силы истории, которые можно обозначить четырьмя концептами: Север (Россия), Запад (Европа, и прежде всего Италия и Шотландия), а также Восток (это Ближний Восток – Святая Земля, Аравия и Персия), данный им в неразрывности с концептом Юг (Кавказ как ближняя часть мусульманского мира), так что можно говорить об оси Северо-Запад – Юго-Восток. Речь пойдет о ключевых стихотворениях «На севере диком стоит одиноко...», «Листок», «Ветка Палестины», – в этой статье, являющейся второй частью в цикле об историософии Лермонтова. В первой части рассматривались стихотворения «Умиравший гладиатор», «Спор» и «Три пальмы» (См.: Кошемчук 2022) и было показано, что в лермонтовском освещении северная душа, живущая между полярностями Запада и Востока, обращена к ним обеим. Предначертанные интенции этой души определены географией, срединным положением России (география и есть судьба народа). Движение мысли поэта по оси Север – Восток является основной проблемой второй статьи.

Основная часть

Проблема Запада, укорененная в судьбе поэта, в истории его предков, была разрешена им и оставлена. Мир Европы, бывший для поэта объектом стремления прочь от немилого (в ранних стихах) Севера и «отчизной» его души («На запад, на запад помчался бы я...»), – осмыслен как обманная ценность в иносказании стихотворения «Умиравший гладиатор»: миссия Запада – пройти как самосознающее «Я» через отрыв от общего начала, через

сомнения в духовной сфере и *страсти* в сфере души и в итоге обрести прочное духовное самосознание – оказывается не исполненной, причем как обманные воспринимаются поэтом даже ее лучшие мечты, «рыцарских времен волшебные преданья»: они оценены поэтом как **«насмешливых льстецов несбыточные сны»**.

Обращение к Востоку – вторая задача, предопределенная судьбой поэта: Кавказ как ближний мусульманский восточный мир занимал в его жизни важное место. В последние годы перед Лермонтовым вместе с темой России встает ось Север – Восток как значительная историософская проблема, а сам мир Востока – как новая путеводная звезда. Важнейшие идеи поэта, высказанные впрямую, говорят о его намерении познать саму сущность восточной жизни, о стремлении «к корням мусульманской религии и культуры» (Кошемчук 2022. 63): **«Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...»**, – писал Лермонтов С.А. Раевскому (Лермонтов 1959. 598). Столь же определенно говорят об этом приведенные А.А. Краевским слова Лермонтова: **«...мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского мирозерцания <...>. ...поверь мне, там, на Востоке, тайник богатых откровений»** (Попов 1954. 156).

Если для А.С. Хомякова страна *«святых чудес»* – это Запад («Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране *святых чудес...*»), то Лермонтов в письме к С.А. Раевскому тем же словом характеризует Восток: «Прощай, мой друг. **Я буду к тебе писать про страну чудес – Восток**». Оба поэта усматривали в западной культуре угасание, а в восточной – глубокий сон, оба обращали свой взор к России – Северу, молодой становящейся культуре в попытке Западно-Восточного синтеза. В стремлении на Восток, как подчеркнул Сергей Дурьлин, Лермонтов стремился «затупить больно резавший острый западный угол», а потому ему нужен был сам Восток — «некий новый мир, окончательно отличный от Запада» (Дурьлин 1916. 115), в чем Дурьлин

увидел «опережение» своего века, «преданного кумиру европоцентризма и европоклонства» (Дурылин 1916. 117–118).

В ранних стихах Лермонтова легко обнаружить образы севера и востока как поначалу не имеющие геопоэтического и историософского смысла. Так, Россия была обозначена как *северный* край («Блистая, пробегают облака...»): поэт созерцает свою жизнь «в однообразном *северном* краю». Север становится образом родины, «*полуночной* страны» в стихотворении «Жена Севера», этот образ развернут в «Монолог»: «Мы, дети *севера*, как здешние растения, / Цветем недолго, быстро увядаем...» – пейзаж севера обретает символические смыслы. В стихотворении «Для чего я не родился...» родина, «дальний *северный* край», созерцается с позиции юга. Ярко означена эта же ось движения мысли и в «Романсе к И...» – о бегстве, в духе романтизма, в мир иной культуры: «Когда я унесу в чужбину / Под небо *южной* стороны / Мою жестокою кручину...». В те же ранние годы север и восток соединяются в душе поэта как ценностно насыщенные сферы в трактате поэта о своем духовном мире – в стихотворении «1831-го июня 11 дня», в нем поэт пишет о воздействии пейзажей севера и востока на свою душу: «Как нравились всегда пустыни мне...», где ветер, табуны лошадей, коршун, облака – все рождает «мысль о вечности», раскрывает смысл судьбы и учит постигать «гармонию вселенной».

Не противопоставлены, а сопоставлены со степью – горы, «пирамиды природы», влекущие в мир вечности. В стихотворении «Спеша на север из далека...» (1837) названные доминантные образы обретают символическую многосмысленность и глубину историософских концептов, отнюдь не исчерпываясь романтическим акцентированием одиночества. Так что можно говорить о духовной оси Юго-Восток – Север: «Спеша на *север* издалека, / Из *теплых* и чужих сторон, / Тебе, Казбек, о страж *востока*, / Принес я, странник, свой поклон». Юго-Восток означен как мусульманский мир: тучи,

покрывающие Казбек, сопоставлены с белой чалмой, а прощальная поэтическая просьба к Казбеку – отнести моление сердца «к престолу вечному Аллы». Оба полюса, между которыми протекает жизнь и мыслительная работа поэта, и Север, и Юго-Восток, оценены безусловно положительно. Север дается без характеризующего минорного, темного эпитета – как родное и предназначенное, с чем соединено светлое, подаренное Востоком переживание высокой духовности мира в ее «надзвездной сфере», в сфере чистого Божества. Здесь выверен характерный для поэта символизм в восприятии Казбека: гордость человека (человека Запада) неуместна перед Казбеком, не замечается им, но этой духовной вершине созвучно «сердца тихое моление». Высшие просторы Бога есть и личное пространство поэта, и также владение «царя Кавказа», Казбека.

Культурософская ось Север – Юго-Восток выявляется и иными стихотворениями. Так, в крымском стихотворении по мотивам Мицкевича «Вид гор из степей Козлова» (1838) поэт вопрошает о Чатырдаге: духи ли нагромоздили горы, «чтоб путь на *север* заградить / Звездам, кочующим с *востока?*» В начале стихотворения «Валерик» (1840) речь идет о «небесах *востока*», которые поэт «с ученьем их пророка / Невольно сблизил», мусульманский Кавказ впрямую означен как Восток («небеса *востока*»), и далее он же – как Юг при описании войска: «Штыки горяд под солнцем *юга*». Так Юг и Восток в системе образов поэта есть уже прочно обретенное единство. Наконец, в стихотворении «Тучи» (1840) уподобленные изгнаннику-поэту тучи мчатся – с точностью выверенной формулы – «с милого *севера* в сторону *южную*».

В ранних произведениях Лермонтов мог предпочесть Запад Северу и назвать его отчиной души, мог и Восток также предпочесть Северу в прямом высказывании поэмы «Ангел смерти», где он, обращаясь к Востоку, говорит: «Кто знал тебя, тот забывал / Свою отчину...», подобно тому как предпочтет

восточных красавиц тот, кто их видел, и «не забудет надменный пламень их очей». Но в последние годы жизни трогательно любимая оставленная родина в движении по оси Север – Юго-Восток, биографическом и мыслительном, означена как главная ценность изгнанника. При этом если Запад оставлен навсегда, то верность Востоку поэт сохраняет в своем сердце. Лично пережитый Восток в кавказском лике – так говорит стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...» – остается страной мечты, которой поэт благодарен:

От юных лет к тебе мечты мои

Прикованы судьбою неизбежной,

На севере, в стране тебе чуждой,

Я сердцем твой – всегда и всюду твой.

Мир Востока благоприятен для мысли поэта-философа: «...мысль моя, свободна и легка, / Бродила по утесам», а сами горы воспринимаются как значимый символ духовных вершин и как личное духовное пространство: горы – «...вечные ступени / С земли на небо, в край моих владений...». Если и Север, и Восток близки и дороги поэту, то друг другу они чужды, христианский Север *чужд* Кавказу. Но для поэта-изгнанника мир Кавказа «был радостен и светел», и поэт платит его гостеприимству верностью: «дружно я на дружный зов ответил». Так поэт в себе связывает те миры, которые далеки друг от друга.

Обратимся к иносказанию стихотворения «На севере диком стоит одиноко...» (1841), к его историософскому противопоставлению Севера и Юго-Востока (восходящему к Г. Гейне). Мы читаем здесь не об одиночестве, не о мечте романтического героя. А любовная тема, как это было давно замечено, самим подбором героев: пальма и сосна, не пальма и кедр (как в некоторых переводах) и не пальма и дуб (как в переводе

Фета) – снята Лермонтовым. Сосна – образ северной души, сознания «дремлющего», пребывающего в суровых, «диких», условиях бытия, на «голой» вершине; это одинокое стояние на вершине – ситуация самосознающей личности, не обычного человека, не героя народного типа, но именно «вершинное» проявление человеческого бытия. Это одинокое сознание в холодном мире погружено в дрему, в мечтание. И это «стояние» в красоте холодного мира: сосна одета в «ризу» холодных «сыпучих» снегов. И эта личность культуры Севера у Лермонтова грезит извечно – о чем же? В ее снах она устремлена к идеальному Юго-Востоку, видит жаркую «пустыню далекую», где «солнца восход». Символ его – «прекрасная пальма», тоже на вершине – «на утесе *горючем*», то есть жгучем, раскаленном – таков *горючий* камень в народно-поэтическом языке, и он же – пронизанный горем, *горючими* слезами. Последний оттенок поддерживается и эпитетами «одна и *грустна*» – эта прекрасная и горькая пламенность идеальной восточной души является глубинной интенцией души холодной и северной. Так показал Лермонтов в имагинативной картине устремленность Севера к Юго-Востоку.

Прочитаем теперь в историософском ключе лермонтовский «Листок» (1841), центральный символ которого принадлежит общему арсеналу аллегорических образов: листок, оторванный от родной ветки, в типологически единой в разных культурах художественной ситуации, есть образ личности, оторванной от древа своей культуры. Это не непременно романтический одинокий скиталец и изгнанник, как сообщается в «Лермонтовской энциклопедии», он – странник, отвергший порождающую почву, предпочитающий свою отдельность, самостояние и самосознание, но тоскующий по сверхличному единству.

В стихотворении «Листок» означены две праситуации гармонии личности со сверхличным началом бытия. Это западная культурная модель – дуб как

целое, как западное мужественное древо жизни и крепости, и в нем единство листов, восходящих к общему родовому духовному началу, и чинара – древо восточного гармоничного мира, соединяющее своих детей в единое и прекрасное целое.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

Само древо (дуб) не входит в пространство стихотворения – как давно утраченное и утратившее актуальность для сознания европейского типа. Оно лишь упомянуто в беглой идентификации – «дубовый листок», у которого была «ветка родимая», и он «оторвался» от нее – сам отделился, как и европейский человек, еще помнящий «ветку», но уже не «древо». И в этой ситуации мы не обнаружим различия европейского и русского. Внимание поэта устремлено к новой и горькой судьбе отъединенной индивидуальности в ее свободе и самостоянии. Чинара же показана в полноте своего облика – это платан, столь же могучее и вечное древо в символике смыслов, как северный дуб. Пара дуб и чинара восполняет пару сосна – пальма в противостоянии Северо-Запада и Юго-Востока, но сюжет этих противостояний различен. Здесь не идеальная греза, но ВСТРЕЧА отдельной личности Севера и культуры Востока.

«Жестокая буря», «холод, зной и горе» – обстоятельства грозной судьбы северного человека в мире, все трагические перипетии истории становятся уделом индивидуальности вне родного древа, и эти мучительные и контрастные стихии (и холод, и зной) гонят измученного скитальца («засохший» и «увядший» лист) на Юг – по степным просторам вплоть, естественно, по законам географии, – до Черного моря. Отметим в этом

движении характерный для лермонтовской мысли нюанс: «До срока созрел я и вырос в отчизне суровой». В описанном движении по миру дан один из сюжетов отъединенного сознания, созревшего самосознающего «Я» (словом Андрея Белого) – ранее срока, опережающе созревшего и потому одинокого. Это «Я» чувствует себя особенным в обычном контексте эпохи. По закону опережающего развития, как это разработано у Андрея Белого, именно опережающий опыт отдельных индивидуальностей движет историю, и этот опыт позднее становится достоянием многих. Невыразимое одиночество является уделом тех, кто «созревает» «до срока», они напрасно пытаются, не зная покоя и чуждаясь его, как лермонтовский Печорин, *угадать* свое предназначение и чувствуют, что предназначение это *высокое*, но мир к ним суров и безжалостен, и порой жалоба срывается с их уст: «Я бедный листочек дубовый, / До срока созрел я и вырос в отчизне суровой...».

Удел такого листка – одиночество в холодном мире и бесцельность бытия, скитания по воле рока, отсутствие покоя и сна:

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.

Этот образ раннего плода и драматизм его ситуации в бытии (раннего засыхания) не раз воплощен в стихах Лермонтова¹. В стихотворении «Листок» он дан с характерным для Лермонтова оттенком жалобы на описанную духовную ситуацию. Листок обращается к чинаре – в новой надежде, и в образе чинары описан созерцаемый прекрасный гармоничный мир Востока, в котором странник тщетно понадеялся обрести новую судьбу:

1. В «Думе»: «Так тощий плод, до времени созрелый, / Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, / Висит между цветов, пришлец осиротелый...»; в стихотворении «Гляжу на будущность с боязнью...» о душе поэта: «Как ранний плод, лишенный сока, / Она увяла в бурях рока / Под знойным солнцем бытия».

«...Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных.

Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

Весь опыт отъединенного сознания, богатство обретенного опыта на драматических путях странник готов передать чинаре и ее прекрасным листьям («Прими же пришельца...») – традиционной цельности, им встреченной на своем бесцельно несомом ветром пути. В этом восточном мире поэт улавливает ту гармонию древнего, прочного мира, к мудрости которого его влечет – к которому его, оторвавшийся листок, и приносит судьба, волей степных ветров. Но его «рассказы» не интересны этому восточному миру, его «изумрудным листьям», у которых тоскующий странник ищет временной благосклонности. Здесь в глубоком подтексте судьба самого Лермонтова и его приобщение к миру Кавказа, стремление проникнуть в сущность этого мира – так листок прижимается к «корням» чинары

В ситуации этого стихотворения совершилось то, о чем даже не мечтала сосна Севера, созерцающая образ Юга в своей душе, – встреча. Но «рассказы», мудреные и чудные, не интересны этой самодостаточной южной гармонии. Характерно, что в образной логике стихотворения чинара предстает как единство цветущего мира, и ни один ее лист сам по себе не является субъектом высказывания: для чинары значимо лишь единство, но не пришелец иной культуры и не свой собственный отдельный лист (но лишь все вместе «свежие» «сыны»). Зато доминирующая гармония целого (в котором отдельные «Я» не обособлены) дана в ряде сказочных, широкоохватных и прекрасных подробностей: «...с ней шепчется ветер, зеленые листья лаская; / На ветвях зеленых качаются райские птицы...»; «Я солнцем любима, цвету для него и блистаю; / По небу я ветви раскинула здесь на просторе, / И корни мои умывает холодное море».

Здесь стихии света, воздуха, воды: свет Солнца, солнечная цветущая жизнь, ласковый ветер, холодная морская влага, питающая корни, не

упомянута лишь стихия земли, древо без земной тверди в этой картине, парящее в прозрачных стихиях мира – всё это рисует нам облик молодой (дважды повторен этот эпитет) высокой чинары с райскими птицами на ветвях. Мир Юга дан здесь в его молодой силе и цветущей безындивидуальной и безгрешной, догрешной жизни. Его мудрость дана как пение райских птиц – тогда как опыт индивидуальности для этого мира есть нежелательные «небылицы». И, увы, странник не принят прекрасной гармонией – в ряде отрицаний: самосознающее драматическое сознание отъединенного типа, его обширный опыт, то, что «видел» листок, чужеродно этому миру: «На что мне тебя?», «К чему мне твои небылицы?»; «Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!» Эта невозможность единения с первозаданным миром и есть результат встречи с ним для северного утомленного бурями скитальца. Говоря на культурософском языке, в этой ситуации отказа сказывается самозамкнутость мира Юго-Востока и равнодушие к опыту индивидуальности, выношенному культурой Северо-Запада. Это неприятие поддерживается и историсофской мыслью стихотворения «Три пальмы» (1839), в котором описан горестный для мира Востока опыт зараженности подобным опытом: когда пальмы возжелали земного труда на пользу земного бытия – то есть обретения жизненного смысла как земного блага для других, в западном духе, то совершается нечто вроде грехопадения и наступает возмездие – гибель: гибнут и пальмы, пожелавшие индивидуального смысла жизни, вышедшие из вечного и данного Богом природного строя и получившие искомый смысл, и вместе с тем высыхает ручей, погибнув вместе с ними. Так видится поэту воздействие западного индивидуального духа, проникновение его идеалов в прочный и цельный мир Востока – он оценивает это воздействие как гибельное в иносказании восточной легенды

Райские птицы, дважды упомянутые в стихотворении «Листок», выражают характерную для Лермонтова мысль о причастности восточного мира к

райской сфере, ибо этот мир молодости души, при всей его древности, при его долгом сне пребывает в стадии как бы до грехопадения (то есть до отделения индивидуальных «Я» от общего древа). Так и в тексте «Ангела смерти» поэт связывает «всю прелесть» Востока с теми днями, «...когда печатью зла / Душа людей по воле рока, / Не обесславлена была...» – после чего и следует признание поэта: «Люблю тебя, страна Востока!» Для поэта «солнце юга» всегда источник «песнопений», как для «птички рая» («Измаил-бей»). Отпечаток райского бытия усматривает поэт в восточной жизни, и оттого она дорога ему и он любит ее – цельностью и первозданностью душ, их крепостью в войне и в быту, силой чувств – и любви, и ненависти. И, увы «западный» странник не принят «восточной» прекрасной гармонией, он безнадежно чужой в ней среди цельных и свежих душ – с его «больной душой». Таков историософский подтекст «Листка».

Отмечу, что всю эту «западно-восточную» интригу в историю оторвавшегося от древа листка привносит в сюжет из французского стихотворения именно Лермонтов, его культурософская мысль широко и свободно растекается по поэтическим пространствам вдоль оси Северо-Запад – Юго-Восток, используя и это русло – историю листка из первоисточника – стихотворения французского поэта Антуан-Венсана Арно «Листок». Русские поэты, обращавшиеся к переводу этого текста, В. Жуковский и Д. Давыдов, писали об «отлученном» от ветки «одиноким» листке (дубовом также), который на вопрос о том, куда и как он движется, говорит: он носится по воле случая, или же судьбы, по воле Борея, в чужом мире, стремясь туда, куда и всё стремится, – к смерти (неназванной в реплике листка). В этой ситуации «гроза» и падение «родимого дуба» была причиной печальной судьбы. Тема итоговой смерти в созвучии с оригиналом завершает оба названных перевода – смерти, не разбирающей различий, будь то лист лавра или лепесток розы. Так в варианте Жуковского, написанном двадцатилетием ранее лермонтовского стихотворения:

...Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете все стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок.¹

В стихотворных переводах из Арно до Лермонтова не звучали вовсе историософские смыслы – они есть проявление отзывчивой на всемирные проблемы лермонтовской мысли.

Этим устремлением продиктовано стихотворение поэта «Ветка Палестины» (1837). В его центре еще одна ВСТРЕЧА. На сей раз ветвь пальмы, о которой грезил северная душа, привезена с юга на север и бережно хранится перед иконами. В стихотворении отразилась реальная ситуация – подаренная Лермонтову палестинская пальмовая ветвь, живой символ Востока. Речь идет о восприятии северным сознанием главной весте Востока, рожденной в том же мире гармоничного и цельного, почти райского бытия и сознания. В этом стихотворении Лермонтова можно усмотреть историософское воплощение христианской темы и наметившийся в творчестве поэта, словами Л. Гроссмана, «"гётевский" путь художника — путь знания и мудрости» (Гроссман 1941. 740). Ближний Восток воспринят Лермонтовым как порождающая почва для христианского откровения. Вопросы поэта, обращенные к стоящей перед ним пальмовой ветке, нацелены на воссоздание изначальной картины – где росла и цвела пальма: при Иордане или в горах Ливана, возможно, она связана с древней иудейской землей. И жива ли та пальма поныне... а если жива, то

Все так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

1. В варианте Д.Давыдова: «Несусь, куда несёт суровый, / Всему неизбежный рок, / Куда летит и лист лавровый, / И лёгкий розовый листок!»

Так всецелое древо пальмы, бывшее духовное единство, влечет мысль автора стихотворения – вся питающая почва культуры. И он наделяет ее тем, чего не было у высокой чинары предыдущего стихотворения – заботой о страннике, «прохожем». Ведь именно этим – в стихотворении «Три пальмы» – в своем ропоте вдохновились пальмы – порадовать чей-то взор, не быть бесполезными, что и обрекло их на гибель в результате исполненного желания. Палестинская пальма в мечтании поэта несет в себе тот же отдых для путников среди пустыни и зноя, а один из благодарных паломников срезает на добрую память ее ветвь. И ветка оказалась в северном краю – благодаря ли паломнику, грустящему, или – вопрошает поэт – светлому, подобному самой пальме, тому, который «всегда небес достоин» по своей душе. Таким паломником в предыстории стихотворения был А.Н. Муравьев, написавший книгу «Путешествие ко святым местам в 1830 г.» (СПб., 1832). В итоге и в знак свершившейся плодотворной встречи ветвь обрела «перед иконой золотой» свое пристанище («Кивот и крест, символ святой»), войдя в мир христианской культуры Севера и обрета «мир и отраду», даже более – став охранителем христианской иконы:

Перед иконой золотой,
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни *верный часовой!*

Заключение

Итак, север, юг, запад, восток – эти образы звучат в стихотворениях Лермонтова с начала 1830-х годов как географические метки в лирических высказываниях поэта. Начиная с 1837 года в целом ряде стихотворений, таких как «Умиравший гладиатор», «Спор» и «Три пальмы», «На севере диком стоит одиноко...», «Спеша на север из далека...», «Тебе, Кавказ, суровый царь

земли...», «Листок», «Ветка Палестины», эти же образы становятся символически многосмысленными, их можно назвать ключевыми концептами и означить прописными буквами как Северо-Запад и Юго-Восток – двумя историософскими полюсами зрелых лермонтовских размышлений. Названные стихотворения последнего пятилетия жизни поэта образуют вместе не что иное, как своего рода Западно-Восточный диван поэта, но, в отличие от гетевского, проникнутый всецело историософской мыслью с приглушенной лирической составляющей. В центре внимания поэта отношения между полярными мирами и отношение самого поэта к ним. Духовная индивидуальность Севера волей географии (или же судьбы) поставлена между Западом и Востоком и тем самым призвана познать их, Запад – по факту рождения в России, части Европы, по строю воспитания и образования, а в случае Лермонтова еще и по причине семейных корней, уходящих в глубины европейской истории. Лермонтовское решение этой первой задачи очевидно: на фоне прекрасного знания европейской культуры, языков и литературы, пристрастие к Западу им оставлено. Обращение к Востоку также глубоко укоренено в судьбе поэта, широта его культурных интересов и глубина его мыслительного охвата мирового целого влекли его неотвратимо к Востоку, который стал ключевой темой его иносказательных стихотворений. Отношение поэта к Востоку выразилось в стихах с полной очевидностью как непреходящая симпатия, углубленная постижением ее духовного смысла и драматизированная познанным глубоким различием и неизбежной разделенностью двух миров. Сами эти полярные миры – Восток и Север – в лермонтовских постижениях обрели форму многосмысленных образных иносказаний, и вряд ли можно говорить о завершенной выраженности складывающейся концепции поэта.

Ряду исследователей, начиная с С.Н. Дурылина, хотелось бы видеть финальную точку – Россию, Север как синтетический образ поэта после

обольщения Западом и увлечения Востоком, о том же говорил А.С. Панарин как об исходе этих противопоставлений: примирить и завершить тему Востока могла бы христианская идея. Последнее можно усмотреть в стихотворении «Ветка Палестины» как первый набросок подобного исхода. Завершить рассмотрение незавершенной лермонтовской темы можно мыслью Л. Гроссмана о трагизме ранней смерти поэта: зрелые стихотворения Лермонтова раскрывают в нем поэта-пророка, на путь которого он только начинал вступать.

Литература

- 1- Гроссман Л. (1941). *Лермонтов и культуры Востока* // Литературное наследство. 1941. Т. 43. С. 673-744.
- 2- Дурьлин С.Н. (1916). *Россия и Лермонтов. (К изучению религиозных истоков русской поэзии)* // Христианская мысль. Киев. Кн. 2 (февр.). С. 137-150.
- 3- Кошемчук Т.А. (2022). *Иносказательные образы М. Ю. Лермонтова: к теме Запада и Востока в стихах поэта* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2022. Т. 10. № 2. С. 57-75.
- 4- Лермонтов М.Ю. (1959). *Сочинения в 4 томах. Т. 4.*, М., Л. : Издательство АН СССР. 826 с.
- 5- Попов А.В. (1954). *Лермонтов на Кавказе*. Ставрополь, Ставропольское книжное изд-во. 222 с.

Bibliography

- 1- Grossman (1941). *L. Lermontov i kul'tury Vostoka* // Literaturnoe nasledstvo. 1941. T. 43. S. 673-744.
- 2- Durylin S.N. (1916). *Rossiya i Lermontov. (K izucheniyu religioznyh istokov russkoj poezii)* // Hristianskaya mysl'. Kiev. Kn. 2 (fevr.). S. 137-150.
- 3- Koshemchuk T.A. (2022). *Inoskazatel'nye obrazy M. YU. Lermontova: k teme Zapada i Vostoka v stihah poeta* // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2022. T. 10. № 2. S. 57-75.
- 4- Lermontov M.YU. (1959). *Sochineniya v 4 tomah. T. 4.*, M., L. : Izdatel'stvo AN SSSR. 826 s.

- 5- Popov A.V. (1954). *Lermontov na Kavkaze*. Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo. 222 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna (2023). M.Y. LERMONTOV'S CULTUROSOPHY: NORTH AND EAST IN THE POET'S ALLEGORICAL POEMS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 47-65.

DOI: 10.52547/iarll.22.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/297>

فلسفه فرهنگی م. یو. لرمانتف: شرق و غرب در اشعار تمثیلی شاعر

تاتیانا الکساندراونا کاشمچوک^{*1}

استاد دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،

سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: اوت ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله اشعار تمثیلی لرمانتف از منظر مسائل فلسفه فرهنگی تجزیه و تحلیل شده است. این شمال، غرب و شرق (جنوب) به عنوان قدرت‌ها و تفکرات اصلی تاریخ بررسی می‌شوند. آنها که معمولاً به عنوان انعکاس مجموعه رمانتیک تفسیر می‌شوند به عنوان نقطه عطفی در مسیرهای تحلیل تاریخی-مذهبی به‌شمار می‌آیند. موضوع غرب توسط شعر کاملاً خاتمه یافته است (گلادیاتور رو به موت). محور شمال-شرق با تلاش برای شناخت پایه‌های معنوی و گرایش به «شمال مهربان» با ارزش‌های مسیحیت جاری در آن در رأس توجه قرار دارد. در مقاله، پیچیدگی دراماتیک تقابل آنها در سوژه‌های تمثیلی دو تقابل تحلیل می‌شود: برگ بلوط یا جنوب («برگ») و شاخه درخت پالم با شمال («شاخه فلسطین») - نظم و حکمت دنیای سنتی و ذهن فردی جدا افتاده که اصول مشترک خود را از دست داده است. در نتیجه، اشعار فلسفه فرهنگی لرمانتف قابلیت‌های خلاقانه بسیار زیاد شاعر را در مسیر ایجاد یک مفهوم مصنوعی که فلسفه، مذهب و هنر را با هم ترکیب می‌کند، به نمایش در می‌آورند. مرگ زود هنگام شاعر، به گفته گراسمن، حکمت این شاعر را که در اشعار ابتدایی وی نمود مشخصی دارد، از اندیشه جهانی گرفت.

واژگان کلیدی: اشعار م. یو. لرمانتف، دگرگویی، نمادهای سمبلیک، فلسفه فرهنگی، غرب، شرق.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی